

Катя Веселая

Псы Броуни

Сквозь щель в плотном занавесе было видно только край арены и темноту, но Фитч знал: вылетит из тонкого горла последняя нота, растворится под куполом — и на арену хлынет шум аплодисментов, свист и крики «Браво!». Или только свист, как предсказатель очередного наказания. Нет, только не в этот раз. Сегодня Айрони пела так, словно завтра никогда не наступит. И даже не видя ее, Фитч знал — каждое перышко на прямой напряженной спине дрожит от страха.

— Хватит углы обтирать! Кавалли! Ваш выход следующий! По местам, по местам, уроды! А ты что тут забыл? Работы мало?

Фитч еле успел пригнуться — кнут свистнул над самым ухом и хлопнул о тяжелую портьеру, вырвав из нее облачко пыли. Броуни ругнулся, но мальчишка уже подхватил ведро, тряпку и, тяжело топя разношенными ботинками, помчался к выходу. Там всю гремели цепи подъемного механизма: во время антракта на арену крысы выкатят Колесо.

Здоровенные, каждая Фитчу почти по пояс, крысы щелкали зубами и то и дело скрипели несмазанными суставами. Смахнуть дорожную пыль с железных ступиц, проверить натяжение, подтянуть ремни и, самое сложное, дотянуться носиком масленки до гладких металлических тел. Главное, не промахнуться и с первого раза попасть в сочленение механических суставов. Не попасться самому — тоже задача. Впрочем, за три года службы в цирке Фитч и не такому наловчился. Одной рукой достать из кармана промокший бумажный кулек и, пока крыса тянется

к запаху несвежих потрохов, другой просунуть сквозь прутья масленку и закапать масло.

Внутри шатра раздавались взрывы хохота — клоуны выползли на арену. Мерзкие твари, что один, что второй, за медяк готовые удавить хоть мать родную. Фитч не знал точно, чем эта парочка занималась после того, как смывала с лиц нарисованные улыбки, однако Кавалли не зря пользовались особым расположением хозяина цирка. Наглые, глумливые, с редкими рыжими волосами и курчавыми бачками на сытых мордах, братья походили на сторожевых псов. И с явным удовольствием облаивали и своих, и чужих.

Репутация личных прислужников Броуни пованивала хуже скользких кишок, которыми Фитч размахивал перед носом голодной железной крысы. Не удивительно, что остальные артисты клоунов не любили и, чего уж там, откровенно боялись.

За спиной раздался свист кнута, вскрик... Фитч едва не уронил масленку прямо в обод колеса. Одна из крыс тут же воспользовалась моментом и выхватила из руки зазевавшегося служки еду. Он испуганно отдернул руку — пальцы, хвала Палачу, остались целы — и обернулся. Держась за щеку, Айрони стояла перед Броуни. А тот что-то выговаривал ей сквозь зубы.

Улучшив свободную минуту, Фитч стукнул в стену фургончика и, услышав ответное «входи», скользнул за занавеску, прикрывавшую вход. Айрони сидела перед маленьким зеркалом, подвешенным на стену за кусок проволоки. Фитч легко мог увидеть свое отражение в этом осколке, но певунья макушкой доставала почти до потолка, так что ей приходилось складываться чуть ли не пополам.

— Ты как? Он...

— Ничего не заподозрил. — Айрони перестала замазывать синяк гримом и вымученно улыбнулась. — Иначе бы вырвал мне ноги, а тебя, Малыш, скормил крысам.

Фитч обиженно засопел. Она была старше на три года и выше на две головы, поэтому считала, что может называть его так. Впрочем, цирковые долго не живут, так что год здесь идет за пять, а вот рост... Фитч всегда был мелким, и это не раз становилось причиной насмешек. Но ведь он еще может вырасти.

Снаружи послышался шум. Фитч осторожно выглянул в зарешеченное окошко. Оба Кавалли уже успели смыть грим и теперь уныло переминались у бака с Баленом, пока Броуни раздраженно пинал ногой толстую железную стенку.

— Эта туша все-таки сдохла. Найдите нового. И передайте доктору, что на этот раз мне нужен настоящий зверь. Свирепый, чудовищный! Чтоб даже у городских стражей поджилки тряслись при одном взгляде на него. Ну, чего встали? Исполняйте!

— А с этим что делать? — Старший Кавалли поковырял в зубах и сплюнул в бак.

— Скормите крысам.

Фитч почувствовал, как в плечо вцепились острые пальцы, а в ухо — быстрый шепот.

— Не дай им этого сделать, Малыш! Останови их, ну же!

Фитч выскользнул наружу. Броуни уже отчитывал дрессировщика, чьи собаки снова нагадили в проходе. Кавалли с мрачным видом разглядывали поверхность мутной зеленой воды. Видимо, никому из них не хотелось лезть в бак за мертвой тушей. Увидев Фитча, старший нахмурился и окликнул подростка:

— Эй, обмылок! Ты должен был следить, чтоб это чучело не сдохло!

— Но я...

— А теперь оно воняет, как нечищенный нужник. Ну-ка займись этим!

И, довольные тем, что удалось спихнуть грязную работенку с рук, братья направились в свой фургон.

Фитч выдохнул с облегчением. Подошел к баку, стараясь дышать ртом, закатал рукава, взял багор и полез на узкий карниз. Боги земные! Бален и впрямь постарался на славу — такая вонь! Фитч даже сам поверил в то, что тот умер. Кто еще кроме технокрыс мог бы несколько дней питаться падалью и не сдохнуть?

Со стороны могло показаться, что мальчишка пытается нащупать и выловить дохлую тушу. Но длинный багор служил отличным средством передать то, о чем нельзя сказать словами. Вот конец его наткнулся на что-то, затем древко дернулось, едва не выпав из тощих рук. Рывок, еще один. Фитч осторожно потянул багор на себя и трижды легонько ткнул Балена в ответ. Все в силе. Этой ночью они наконец станут свободны.

Цирк — мечта каждого мальчишки. Но откуда деньги у таких, как Фитч? С малых лет он помогал отцу в котельной, но никогда не держал в руках ничего ценнее куска угля. Одинокий работяга предпочитал истратить лишний грош на бутылку горючительного, а игрушками Фитчу служили обломки кирпича и ржавые сломанные шестеренки, подобранные на фабричной свалке. Где уж тут попасть на цирковое представление! Да даже о том, чтобы просто так оказаться в мире порхающих под куполом акробатов, грозных силачей и с ног до головы покрытых блестящей пылью танцовщиц, мало кто из фабричных смел и мечтать.

Фитчу повезло. Или нет. Это с какой стороны посмотреть. Отец продал его Броуни за пару монет. И ушел, не оглядываясь. А внезапно ставший собственностью грозного усатого типа двенадцатилетний Фитч так и стоял, растерянно прижимая к груди драный картуз.

Впрочем, ему тут же нашли дело. Работы в цирке хватает, а рабочих рук — нет. Фитч убирал территорию, кормил животных, выносил помой, прислуживал во время репетиций и чистил клетки. Но не жаловался. Волшебный мир закулисья стал

для мальчишки новым домом. Кто б на его месте променял цирковой двор на темную каморку котельной, из узкого окошка которой видна лишь покрытая копотью фабричная стена?

И хоть на само шоу ему было по-прежнему не попасть, Фитч много раз видел на репетициях, как клоуны швыряют друг в друга фальшивое ватное полено. И как маленькие визгливые собачонки ходят на задних лапах. Как взлетают и парят под самым куполом воздушные гимнасты. Он мечтал, что когда-нибудь дорастет из простого «Эй, коротышка!» до настоящего циркового артиста. Его имя будет вписано в афиши, на него будут приходиться посмотреть, и ему будут рукоплескать восторженные зрители...

Зрители. В каждом городке, куда бы ни приехал цирк, на вечернее представление их заглядывало немало. А в выходные дни и вовсе набивалось в шатер столько, что не всем хватало сидячих мест. И это несмотря на то, что билеты в «Цирк Броуни» стоили дороже, чем у любой другой бродячей труппы. О нет, не за сладкой ватой и не за клоунскими ужимками стекались сюда людские толпы. Самой большой достопримечательностью «Цирка Броуни» была «Выставка Диковинных Существ».

Вот Человек-Часы — с виду обычный мужчина средних лет, под сюртуком которого скрывается самый настоящий часовой механизм. С крутящимися шестеренками, раскачивающимся маятником и ключиком завода в селезенке.

Парочка совершенно не похожих друг на друга «сиамских близнецов» с тремя ногами, двумя головами и одной парой рук. Левая голова бессмысленно улыбается и пускает слюни, в то время как правая не перестает брезгливо морщиться и беспрерывно ворчать.

Бородатой женщиной уже никого не удивишь, а как вам Женщина-Страус? И приличная синьора с завитыми кудряшками приподнимает подол платья, демонстрируя самые настоящие птичьи ноги. Крепкие, мускулистые, заканчивающиеся трехпалыми кожистыми ступнями.

А также живущий в баке с соленой водой Бален — Человек-Кит. Вечно сопливый, потому что некому вытереть ему нос. Безрукий. С лапами вместо ног.

И Человек-Лира, и свора шестилапых собачек, и трио акробатов, у самого младшего из которых вместо ног — колесо.

И наконец — самое прекрасное создание на свете — Айрони. Хрупкая, невесомая, с такой прозрачной кожей, что вся Айрони кажется бело-розово-голубой, словно высеченная из цельного куска мрамора прекрасная птица. Потому что Айрони не человек. Точнее, она была когда-то человеком. Но, как и над остальными, над ней поработала опытная рука какого-то злого гения, вшивая в юное тело тысячи перьев, ломая кости и сращивая их заново. А где не хватило природного материала, заняли место металлические детали. Должно быть, Броуни отвалил за нее целое состояние — руки-крылья, оканчивающиеся цепкими пальчиками, больше чем наполовину были сделаны из стали и серебра.

Диковинные создания завораживали Фитча. С трепетом он смотрел, как Клотч смахивает пушистой кисточкой пыль и песок с часового механизма. С грустью вспоминал покрытого бородавками Шарка, который умер вскоре после того, как Фитч появился в цирке. Шарк болел. Бородавки постоянно гноились. Да и клоуны беспрестанно дразнили его Жабой и заставляли ползать по арене, отчего песок налипал на слизкую кожу, причиняя бедолаге еще больше мучений. Так что в конце концов он покончил с собой, кинувшись под Колесо.

Но Фитч жалел и Шарка, и Балена, редко выбирающегося из своего бака, и склочную «страусиху». Даже визгливые кудлатые собачонки, норотившие вцепиться в ботинок, вызывали у Фитча только умиление. Он готов был любить всех. Кроме разве что братьев Кавалли, которые грызлись со служками и друг с другом, а уж остальных и вовсе щедро кормили пинками и побоями. Потому, когда Айрони и Бален посвятили его в свой план, Фитч долго колебался. Что ему та столица? Это они

удивительные. А он — самый обычный мальчишка. Но Айрони так переживала, что не дотянет сама китовую тушу...

Как и договорились, он ждал ее за крайней повозкой. Фитча не запирали на ночь — кому он нужен? А ключей от клеток с «диговинками» всего два. Один хранился у Броуни, вторым заведовал старший Кавалли. Но однажды клоун перебрал с горячительным, и его стошнило прямо в бак с Баленом. Или это запах стоячей воды стал причиной? Но только по иронии судьбы ключ выпал из нагрудного кармана и достался как раз тому, кому он, в общем-то, никак не мог пригодиться. Кавалли заметил пропажу, лишь когда пришло время отпирать клетки. Поплелся докладывать хозяину. Броуни лютовал все утро, а как только клоун отправился к Струцце «за утешительной пилюлей», Бален поведал о своей находке Фитчу. Впрочем, план побега все равно придумала Айрони, так что...

Прохладный ночной ветерок взъерошил волосы на макушке, надул пузырьем рубаху. Фитч поежился. Конец лета, а они уже вторую неделю сидят в этом городишке. До холодов надо бы успеть убраться на самый юг... И рассмеялся сам над собой. Какой юг? Едва рассветет, и экспресс умчит их троих на север — Айрони каким-то неведомым образом скопила немного монет, так что на билеты в третий класс должно хватить. Наверное.

Фитч поднял голову и недоуменно нахмурился. Лунный серп скосил половину ночного неба, а певунья так и не появилась. Не случилось ли чего?

Ночь, кажется, сделалась еще темнее, пока Фитч крался среди повозок. Развешенное после стирки мокрое белье то хлопало его по лицу, то гладило по спине. Вот и женский фургончик. Айрони делила его со «страусихой», а попросту — Струццой.

Проспала, что ли? Или Струцца проснулась и помешала ей уйти?

Он осторожно ступил на ящик, служивший крыльцом, и замер перед решеткой, запиравшей вход на ночь. Изнутри

не доносилось ни звука. Постучать? А если он разбудит Струццу? Ох, насмешек завтра не оберешься!

Да что это он? Какие насмешки? Какое завтра?

Фитч тихонько поскреб железные прутья. Затем чуть громче. Под ладонью решетка скрипнула и немного отошла в сторону. Удивленно потянул ее на себя — замок повис на одной дужке.

Ночь внезапно стала холодной и пустой. Айрони ушла без него.

Конечно. Они — другие. Что ей обычный мальчишка? Видимо, Айрони нашла способ перевезти Балена и просто передумала брать Фитча с собой. Диковинки здесь, на тусклом провинциальном юге, они с Баленом умчатся в столицу. Там, небось, по улицам расхаживают сплошь живые машины, и никого не удивишь перьями или хвостом.

Странное дело. С одной стороны, Фитчу не очень-то и хотелось бежать, но с другой... Чувствовал он себя сейчас так же, как и в тот раз, когда смотрел на равнодушно удаляющуюся отцовскую спину.

Погруженный в невеселые думы, Фитч брел по двору, когда чуть не упал, споткнувшись обо что-то большое, белое и совершенно мокрое. В темноте это выглядело так, словно простыня свалилась с веревки и облепила здоровенное бревно. Фитч присел и провел пальцами по скользкой поверхности... нащупал что-то круглое, разбухшее, с двумя дырками... В этот момент над головой вспыхнул фонарь, и Фитч испуганно отдернул руку. На земле лежал Бален. Голый и абсолютно мертвый, как и полагается телу, три дня пробывшему в баке вместе с остатками рыбьих кишок.

— А я-то думаю, чего крысы весь вечер воют? Голодные, — пропел из темноты грубоватый голос старшего Кавалли.

Фитч вскочил на ноги, но получил кулаком в ухо и растянулся рядом с Баленом.

— Вяжи пацана. Все одно работник из него никудышный.

Фитч отбрыкивался, пытался кричать, но братьям не впервой было усмирять недовольных. Камнепадом обрушились на него тяжелые удары и завалили собой и ночь, и страх, и горькие мысли о неудавшемся побеге.

Очнулся он от холода. Глаза залил невыносимо яркий свет. Фитч зажмурился. Точнее, еле сомкнул веки — словно проржавевшие железные заслонки, они двигались с большим трудом. Тело ныло — он лежал на чем-то твердом. Хотел подняться, но мышцы не подчинились. Попробовал повернуть голову, пошевелить рукой, хоть пальцем! Без толку. Даже язык разбух и распирает рот изнутри. Потихоньку открыл глаза, привыкая. Но все, что смог разглядеть — льющийся отовсюду свет.

Накатила паника. Где он? Что происходит? А может, Кавалли его убили, и сейчас он лежит на разделочном столе Небесного Палача?

Как ни странно, но мысль о смерти успокоила. О чем волноваться, если жизнь уже закончилась? Разве что о том, что он, кажется, превратился в дохлую рыбину. Дохлая рыбина. Почти как мертвый Бален.

С мысли о Балене Фитч перескочил на Айрони. Значит, она сбежала одна? А впрочем, что тут удивляться? Неуклюжий «кит» провел столько времени в баке, что даже ходить толком не мог, — в редкие дни, когда меняли воду, его попросту вываливали на землю, и он ползал, неуклюже извиваясь большим распухшим телом. В дороге он был бы обузой, да и потом — кто захочет с ним возиться? А она — красотка с нежным голосом и белоснежными перьями. Любой столичный театр примет такую актрису с распростертыми объятиями. Айрони просто кинула и его, и Балена, вот и все.

Свет сделался ярче, пахнуло чем-то едким. Откуда-то из-за головы послышались торопливые шаги, металлический лязг, от которого Фитчу сделалось сильно не по себе, и бодрый картавый голос произнес:

— Ну-с, молодой человек, пхиступим!

Фитч испуганно моргнул, когда на лицо опустился широкий колпак, в носу защипало, и весь мир провалился в какую-то дыру.

Все, что он потом мог вспомнить, — это бесконечное падение. И боль.

С него словно заживо сдирали кожу. Кости начали расти, вытягиваться, им стало тесно в мышечном корсете, и они разрывали его. А затем огромная раскаленная игла накладывала слои друг на друга и стягивала неровными стежками.

Кажется, он кричал. Или нет? В какой-то момент игла забралась к нему в рот и принялась пришивать язык к небу. Потом скользнула в горло...

Очередной укол продырявил разбухшую вену. На пол плюхнулась миска с серой кашей. Щелкнул замок на решетке. Фитч притянул к себе еду и принялся неуклюже выскребать кашу когтистой лапой. Клыки мешали, вязкая масса не лезла в горло, валилась на пол, и он опускался и слизывал ее длинным узким языком.

Боль постепенно ушла, хотя он думал, что она останется с ним навечно, и даже научился не скулить, когда она выкручивала тело при малейшей попытке двинуться с места. На постоянные уколы перестал обращать внимания. Человек в сером резиновом фартуке и длинных, до подмышек, перчатках приносил ему поесть, колол, но никогда не делал попыток заговорить. Впрочем, Фитч тоже не горел желанием общаться. Его новое жилье — холодная каменная клетка с жесткой лежанкой, отхожим ящиком — было вполне сносным. Сносным для чудовища, в которое он превратился.

Когда сознание перестало проваливаться в глубокий крысиный лаз от малейшей попытки осознать, что с ним произошло, Фитч попытался все обдумать. Косматая шерсть, что теперь покрывала все его тело, была не так уж и плоха — она отлично

грела и позволяла обходиться без одежды. Хотя показаться в таком виде на людях Фитч бы не решился. Ноги остались ногами, но вот ходить теперь приходилось на цыпочках. Впрочем, это оказалось даже удобнее. И башмаки больше не нужны. Руки... А вот это было самое ужасное. Пальцы укоротились вдвое, разбухли, ладони обзавелись грубой толстой кожей. Но даже несмотря на устрашающие стальные когти, Фитч чувствовал себя беспомощнее младенца — он не мог ни миску поднять, ни ухватиться за прутья решетки. Случись ему прикрыть стыд штанами — и те не удержат.

В его клетке не было окон, но Фитч научился определять, а позже и предчувствовать время по приходу служки. Укол, миска с кашей, щелчок замка. Дважды, пока Колесо Палача делает полный круг по небу.

Когда в неурочный час за решеткой раздались шаги, Фитч насторожился. Не знакомое, привычное шарканье, нет — то-ропливые шажки, то забегающие вперед, то суетливо топчущиеся на месте. И уверенная поступь, сопровождаемая знакомым стуком — так стучит рукоять кнута о голенище. Фитч вскочил.

— Все, как вы пхосили, милейший мой, — стрекотал полный самодовольства голосок, — учел все пожелания. Пхишлось похоботать, конечно, но хезультат! Впхочем, сейчас сами посмотхите. Сюда, сюда, пхошу вас!

В коридоре посветлело, и в клетку заглянул луч фонаря. Фитч пригнулся, пряча глаза от света, и увидел мягкие, скорее домашние, чем уличные, туфли, а рядом с ними — знакомые сапоги. Начищенные до блеска, с золотыми кистями и крохотными эмблемами на отворотах: буква «Б», заключенная в венок из вензелей.

— Неплохо. — Это прозвучало пренебрежительно, но для тех, кто хорошо знал Броуни, являлось похвалой. — Надеюсь, нрав у него настолько же свиреп?

— О, на сей счет не извольте беспокоиться, дохогой мой дхуг, стимулятохы сделают свое дело. Пока что хано судить о психическом состоянии пациента, но вы же понимаете, мало вхемени пхошло...

— Я забираю его.

Туфли нервно переступили, смущенно уткнулись носами друг в дружку.

— М-м-м... Понимаете, милейший, экспехимент такого хода — пехвый в моей пхактике, он затхагивает не только внешние изменения, но и слои психики, потому я хотел бы...

Кнут раздраженно стукнул, обрывая возражения, приказ поставил точку в разговоре:

— Готовьте к перевозке.

Возвращение вышло безрадостным.

Дорогу Фитч не запомнил — пустая повозка, кошмарная тряска, уличный шум за шаткими стенами. Он лег на дощатый пол и старался не думать о том, что его ждет впереди. Ирония судьбы — теперь он сам стал одним из тех, кого жалел и кем так восхищался.

Но самое большое потрясение ожидало его впереди. Когда повозка остановилась и борт откинулся, позволяя новому уроду занять свое место в семье, первое, что увидел Фитч, — сверкающие на солнце серебряные крылья.

Он попятился назад.

Но вся труппа уже стянулась к повозке, влекомая любопытством. Младший Кавалли бесцеремонно ткнул Фитчу в морду фальшивым поленом.

— Давай-давай! Вылазь, блохастый, дай на тебя поглядеть!

— Ну и чудовище! — загоготал старший. — Ты только глянь! Докторишка превзошел самого себя. Эй, обмылок! Какое тебе в новой шкуре? Не жмет, а? Встань на ноги! Встань, кому говорю! Поглядим, насколько ты подрост.

И он, не церемонясь, ухватил Фитча за ногу и дернул на себя. Фитч отчаянно застучал когтями по полу в попытке за

что-нибудь зацепиться и заскулил. Ответом ему был грубый клоунский смех. Кавалли запрыгнули в повозку, схватили его с двух сторон и вышвырнули вон.

Впервые Фитч понял, как же на самом деле чувствовал себя Бален. Когда ты не можешь толком ни стоять, ни ходить, только лежишь на брюхе или ползешь, пытаешься укрыться от пинков тяжелых клоунских ботинок.

— Оставьте его! — взволнованный голос прозвенел, оставивая пытку. — Хозяину не понравится, если вы в первый же день угробите его нового артиста.

Младший Кавалли ответил что-то непристойное, а старший только хмыкнул и, наклонившись, защелкнул на шее Фитча железный ошейник. Цепь тянулась к вбитому в землю клину, который не давал ветру унести полосатый цирковой купол.

Клоун дернул цепь, отчего Фитчу пришлось униженно подползти к нему.

— Этот недомерок сговорился с китовой тушей, и они б точно дали стрекача, если б Кэг не пошел отлить и не застучал толстого, когда тот вынырнул из своей клоаки. Так что, считай, пацан всего лишь занял освободившееся место.

Кавалли сморкнулся и презрительно вытер руку о шерсть валяющегося у его ног «нового артиста». После равнодушно переступил через него, кликнул брата и пошел прочь.

— А вы что столпились? — Айрони замахала крыльями, словно курица, оберегающая своего цыпленка. — Других дел нет? Не на что тут смотреть.

И опустилась на колени возле Фитча.

— Боги земные, Малыш, что они с тобой сделали?

Он попытался ответить, но новый чудовищный рот мог только клацать челюстями и невнятно мычать. Фитч положил голову на передние лапы и закрыл глаза. На лоб опустилась ласковая рука. Слова полились тихо-тихо, как шуршание дождя по скату парусиновой крыши:

— Я не смогла уйти. Прости. Струцца мучилась животом и долго не засыпала. Как только удалось, выбралась из фургона, но тут появились Кавалли. Они тащили Балена. Это было так страшно, Фитч! Они... Они мучили его. А я не могла ничего сделать. Я боялась, что они примутся за меня.

Она прерывисто вздохнула и продолжила:

— Я видела, как тебя поймали... О, Фитч, прости меня, пожалуйста! Мне так плохо от того, что они с тобой сделали. Это все из-за меня.

Айрони опустила голову и разрыдалась.

Он молчал. Внутри распухало облако очередной боли. И эта новая боль смешивалась и с облегчением, и со стыдом, заполняла изнутри и душила, душила...

Лучше бы она ушла. Тогда. И не увидела, во что он превратился.

Если очень долго мечтать, то мечты сбываются. Вот только не всегда так, как хотелось. Фитч стал полноправным членом труппы, как бы нелепо это ни звучало — прав у него по-прежнему не было никаких. Зато теперь его имя крупными буквами напечатано на всех афишах. Сразу после слов «порождение тьмы» и «кровожадное чудовище». И Фитч рычал, скалил клыки, ударом лапы ломал бревно и разрывал на части кроличьи тушки, к восторгу и ужасу изумленной толпы. А после выступления метался в своем углу, уворачиваясь от ударов кнута. Броуни учил новичка так, как считал нужным. Небесный Палач знает, сколько побоев пришлось вытерпеть Фитчу, прежде чем новые мышцы налились силой и он научился ходить и на двух, и на четырех лапах, прыгать на несколько ярдов в высоту, в считанные мгновения разгрызать толстый пеньковый канат и угадывать желания дрессировщика по одному жесту. Когда вместо удара он получил одобрение «Молодец, хороший мальчик», Фитч был готов вилять хвостом от радости. Если б у него был хвост, разумеется.

Общество Айрони его тяготило. Говорить им больше было не о чем. Да и как, если все, что удавалось выдавить Фитчу, — вой, мычание и скулеж?

Поначалу певунья частенько забегала к нему перед сном: пересказывала последние сплетни или просто сидела рядом, пока он ел. Но со временем ее визиты сделались все реже, а потом и вовсе прекратились. Даже сталкиваясь с ним в проходе возле арены, она спешила скорее прошмыгнуть мимо. Фитча это озадачивало. Он думал, что со временем привыкнет к своему новому обличью, а когда его полюбят зрители, сможет сказать себе, что стал... нет, не уродом, но новым удивительным созданием. И тогда, быть может, они с Айрони снова попытаются. Нет, не попытаются — они сбегут! Сбегут вместе! И больше никогда не будет ни кнута, ни побоев, ни насмешек...

Однако время шло. И ничего не менялось. Только изящная тонкая Айрони все больше напоминала ему прекрасную белую цаплю, мелькнувшую в утренней дымке и тут же растаявшую, как сон. Пела она все хуже. Высоких нот не брала. Струцца проговорила, что Айрони жаловалась: крылья стали слишком тяжелыми. А как-то раз Фитч услышал из женского фургончика надсадный кашель. Проходившие мимо Кавалли заметили, что «цыпочку проще пустить на бульон и завести новую».

Если б он мог говорить, он бы, наверное, подкараулил Айрони, дал знать, что он тревожится о ней. И они бы смогли обговорить план нового побега... Если б он мог говорить.

Нет, он все же попытался. Улучил момент между выступлениями, когда Кавалли привязал его к ободу колеса, и замычал, пытаясь привлечь внимание Айрони, проходившей мимо. Но та лишь быстро скользнула по нему взглядом, виновато улыбнулась и скрылась за полосатым пологом.

Фитчем овладело отчаяние. По возвращении в цирк он и без того держался особняком, а теперь и вовсе стал совсем нелюдим и раздражителен. В свободные от муштры минутки он лежал под стенкой шатра, лелея в себе глухую ненависть ко всему на свете.

Служка, приносивший еду, едва не лишился ноги, когда пренебрежительно наступил грязным башмаком на пустую миску, чтобы перевернуть ее. А когда кудлатая собачонка сунулась носом в его порцию, Фитч в один миг разорвал ее, как кроличью тушку.

Новый облик и без того отпугнул от него всех, а теперь злобного уroda вовсе старались обходить десятой дорогой. Только при виде клоунского дуэта Фитч сам старался забиться в любую дыру, чтобы не привлекать внимания.

А вот Броуни, напротив, постоянно отмечал успехи своего чудовища. И хоть кнут не перестал щелкать совсем, похвалы звучали все чаще.

Однажды поздним вечером, когда все разбрелись по койкам и стих привычный цирковой шум, Фитч, дремавший в своем закутке, услышал голос хозяина. Броуни заливался соловьем, что было совсем на него не похоже — хозяин скупился на слова, если только не стояла задача обругать нерадивых служек.

— Ах-ха-ха, да что вы! Это все наветы и клевета, уверяю вас. Спросите кого угодно — каждый подтвердит, репутация Марко Броуни безупречна!

Фитч подобрался. Хозяин смеется? Нет, что-то тут явно не так.

— Давайте зайдем в мой кабинет и все обсудим. Заодно пропустим по стаканчику... Мне на днях прислали ящик прекрасного вина, не откажите в любезности...

Фитч бесшумно поднялся на ноги, отошел в тень и притаился, готовый к прыжку. Всем известно, что кабинет хозяина находится в дальнем фургоне, с противоположной стороны шатра, зачем же он ведет своих «гостей» сюда?

— Ты нам зубы не заговаривай, — раздался серый скучающий голос. — Забился в эту провинциальную дыру, гребешь деньги лопатой и думаешь, что сможешь откупиться ящиком «прекрасного вина»? Если хочешь жить спокойно, надо уметь делиться...

Тут они вышли из-за угла, и Фитч отчетливо увидел на фоне светлого полога темные силуэты. Один, второй, третий... Всего четверо, вместе с хозяином. Он подпустил их поближе и, когда Броуни тихонько свистнул, прыгнул.

Одному разорвал живот сразу же. Второй еще трепыхался, но пасть сомкнулась на руке, откусив ее по локоть. Раздался хлопок, но Фитч не успокоился, работал зубами и когтями, пока человек под ним не обмяк грудой рваного тряпья. Рядом стоял хозяин, держа в опущенной руке дымящийся револьвер.

— Молодец, хороший мальчик.

Называться личным псом Хозяина — о чем еще можно мечтать?

Фитч с гордостью носил новый кожаный ошейник с медной эмблемой — буква «Б», заключенная в венки из вензелей, — и на ночь укладывался спать у дверей хозяйского фургона. Даже Кавалли присмирели и больше не трогали косматого артиста.

Приглашенный фотограф долго ковырялся в странном ящике, прячась под куском черного полотна, а позже Броуни хвалился статьями в газетах — Хозяин цирка укротил свирепого зверя. Фитч видел фотографии, где широко улыбающийся Броуни кончиками пальцев подкручивает ус, а у его ног с самым грозным видом скалит зубы «свирепый зверь». Вообще-то Фитч улыбался. Но на снимках вид у него и вправду получился угрожающий.

Броуни сиял. Полный новых планов, он заказал новый купол из парусины. Ходили слухи, что цирк отправляется на гастроли не только по всему югу, но и на дальний восток, в связи с чем Хозяин планирует обновить состав труппы.

Все стояли на ушах, но Фитча новости не беспокоили — его место не займет никто.

Когда пронесся шепоток, что Айрони сорвала голос прямо во время выступления, он даже ухом не повел. Бывает. Циркачи долго не живут, а уж уроды тем более. Год за пять. Сколько еще